

§ 28. (ВИЗУАЛЬНАЯ) ЭКОЛОГИЯ, ИСПЫТАННАЯ ПОЛИТИКОЙ

Начать повествование о визуальной экологии стоит с того, что она — проблемна. И речь не только о различиях, проявляющих себя на уровне отдельных исследовательских подходов (или понимания дисциплинарной общности): проблематичность визуальной экологии возникает там же, где пробуксовывает сегодня ее естественнонаучная сестра. Если мы готовы согласиться с этим, тогда, для того чтобы разобраться с отношениями в столь непростом семействе, стоит для начала обратиться к его генеалогии.

Экология, старшая из сестер, стяжавшая любовь и лавры ученых. Истинный ценитель жизни — и скульптор, одну за другой высекающий статуи из камней преткновения.

Обратимся к середине XX века, периоду ее стремительного восхождения и расцвета: чем она завоевывает признание в научном сообществе? В эпоху, когда — и Вторая мировая война выявила это особенно остро — обозначились окончание экстенсивного освоения новых пространств (и мышления, порождаемого вместе с этим типом движения), крах колониальной системы, связность друг с другом сотен стран, экономик и природ, мир *сомкнулся*. Слотердаjk называет это переходом от «Глобусов» к «Пене» (навыку обживать и осмысливать

реальность через множественность, «плюральную сферологию»¹). Исчерпаемость поверхности сместила акценты с исследования сущностей, населяющих мир, к анализу существования их в постоянном взаимодействии, самоорганизации и гомеостазе. Родственница кибернетики² (и, позднее, теории систем), экология вбирала их концепции — чтобы воздать должное сложности экосферы, биогеоценозов, тысячам трофических цепей, выстроенных живыми существами: паразитирующими друг на друге, обитающими бок о бок, кормящимися телами почивших, минералами, солнечным светом. Экология открыла полноправную дорогу холистическому мышлению, пересекающему границы биологии, геологии, географии: мышлению *циклов* — включающих как живые системы, так и обживаемые ими среды в их разнообразии³, даже человека — и как вид среди видов, и как одну из основных сил, трансформирующих облик совместного мира.

Впрочем, человек — зверь о двух лицах. Одно из них слепо из плоти жизни; контуры его всегда плавно переходят в линии, прочерчиваемые прочими существами (векторы конкуренции, петли доместикации), и немислимы вне сложной геометрии экосфер. Другое лицо всегда проступает сквозь первое, лицо-отличие: удвоение, благодаря которому есть *Homo sapiens sapiens*. Человек отлучен от первозданного мира природы, и тем конституирует себя: более того, таков один из пунктов «нововременной Конституции», проведенной грань между реальностями объективных природных сил и субъек-

¹ См. подробнее: *Слотердайк П.* Пена. Плюральная сферология. Т. 3. М.: Наука, 2010.

² См. подробнее: *Пикеринг Э.* Наброски иного будущего: кибернетика в Британии, 1940–2000 // *Онтологии артефактов. Взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира* (ред. О. Столярова). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 375–396.

³ См. подробнее: *Одум Ю.* Экология в 2 т. Т. 1. М.: Мир, 1986.

тивных человеческих воль — *политикой*¹. Казусы начались, когда (оценив масштабы грядущих кризисов при том же потреблении природных ресурсов²) в публичном пространстве заявила о себе «*политическая экология*»: причудливый гибрид, отчаянно пытающийся стать спикером безмолвных нечеловеков (животных, деревьев, морских вод и воздуха) в политическом представительстве людей — стать «голосом самой Природы»³. Для того чтобы голос этот был услышан, в ход пошли речи с различными риторическими стратегиями: аксиологическая автономия (та же «Красная Книга»: исчезающие виды достойны спасения во имя самих себя), метеорологическая миноритарность (прекращение вырубки лесов и загрязнения водоемов во имя человека как части тех же экосистем, в которые он вторгается), коллективные риски (глобальное потепление затронет всех людей на Земле, даже старающихся не загрязнять окружающую среду)... Впрочем, здесь экосистемы столкнулись с весьма неординарной проблемой: тысячелетиями они разрабатывали гибкость своих биомеханик адаптации друг к другу, но не озаботились легитимными механизмами для выступления в парламенте. Даже речам политических экологов, нагруженных фактами, сложно быть услышанными: наш аналоговый мозг видит изображение птицы, погрязшей в нефти, и диктует жертвовать примерно равные суммы на предотвращение утечек черного золота, будь пернатых жертв 2000, 20 000 или 200 000⁴. Иными словами, не только

¹ См. подробнее: *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2006.

² См. подробнее: *Медоуз Д.* Пределы роста. Доклад по проекту римского клуба «сложное положение человечества». М.: Изд-во МГУ, 1991.

³ См. подробнее: *Latour B.* Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy (tr. by Catherine Porter). Harvard University Press, Cambridge, Mass., USA, 2004.

⁴ *Desvousges W., Johnson F., Dunford R., Boyle K., Hudson S., Wilson N.* Measuring natural resource damages with contingent valuation: tests of validity

мы в эпицентре серий экологических кризисов — в кризисе находится сама «нововременная Конституция».

Как бы, однако, ни была печальна ситуация с живыми системами, мы продолжаем жить, а потому в конце XX в. пришло время обратить взгляд к подсистемам нашей системы: зрению. Точнее, в фокусе внимания оказалась не сама зрительная способность, но многообразие всего того феноменального опыта (и способов его данности), который открывается нам, если наши глаза открыты.

Несмотря на то что *визуальная экология* многим обязана теоретикам медиа и является в высшей степени развитой на концептуальном уровне дисциплиной, именно дисциплинарное (ср. научное) знание умножает себя за счет замедления бесконечных скоростей философских концептов и сгущения их в функтивы, обеспечивая план референции¹. Субъект зрения, интересующий нас, таким образом, всегда (о)человечен, при этом он является не предметом исследования, а исходным звеном: *natura naturata*, *Солнцем*, запускающими фотосинтез термоядерными реакциями, точкой отсчета визуального опыта.

Строго говоря, если «визуальная экология» берет смелость не просто имитировать повадки экологии, но заявить о родстве с ней по духу (и букве, снимая с себя кавычки), можно говорить о возможности построить ряд изоморфизмов между используемыми ими понятиями. Поэтому, хотя смотрит человек, под *визуальной экосферой* (как наиболее высоким уровнем общности) следует понимать тотальность всех полей зрения, что уже лишает их изрядной антропологичности. «Чувство предмета» дисциплины в таком случае вырабатыва-

and reliability // *Contingent valuation: a critical assessment*, (ed. J.A. Hausman). Amsterdam: North Holland, 1993. P. 91–159.

¹См. подробнее: *Делез Ж., Гваттари Ф.* Функтивы и концепты // *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.

ется через сегментацию биографически делящихся серий зрительных опытов — *оптических ландшафтов*, или *видеоценозов*: швейцарцы всю жизнь видят горизонт, ограниченный горными пиками; 6-месячные (тренированные!) младенцы различают морды енотов и радуются им; неоновые вывески Лос-Анджелеса одерживают верх над глазами туристов; Левитан тщательно выбирает более чем из 300 оттенков зеленого.

Однако, коль скоро эта линия мысли приводит к интуиции выделения *визуально-экологических ниш* и обитающих в них популяций, следует сразу коснуться двойственности, неизбежно возникающей при работе со столь специфичной предметностью. В зависимости от положения относительно трофических цепей преобразования энергии (кашалот питается планктоном, белка живет на дереве в лесу и т. п.) популяции обитают на различных уровнях самой *данности оптического* опыта. Визуально-экологический *вид* более чем двусмыслен: он — плавающее понятие, поскольку и — принцип единообразия феноменов (сцены человеческих тел, движущихся в быстром ритме, как отдельный вид), и — феноменальное содержание (*видимость* камня в поле зрения). Виды в прямом смысле *обитают* друг в друге, поскольку видимы (выделимы) друг в друге: вид — это как созерцание зеленых стен, так и созерцание зеленых стен с трещинами (среди прочих стен), так и восприятие конкретной стены (ее вид). Эта методологическая сложность не должна быть истолкована превратно: изоморфно экологии она — та мера изменения мышления, которой от исследователя требуют новый объект и способы его существования (здесь — конкретный способ включенности в серию зрительных опытов). Иначе говоря, все зависит от того, что именно необходимо исследовать — тогда как ценность одних видов именно в их сингулярности («прекраснейший вид, запомнившийся мне на всю жизнь»), другие черпают ее в регулярности («виды различных городов»). Отмеченный

нюанс, в принципе, связан с тем, что виды чувствительны к *вниманию* как функции, выделяющей те или иные многообразия опыта в зрительном поле.

Довольно сильным тезисом, которого можно коснуться отдельно, будет предположение, что *собственной пищей* видов (т. е. тем, что определяло бы отношение между ними в условиях «оптического свободного рынка», конкуренции вне иных регуляторов) является красота: в той форме, в какой вид способен «вернуть» ее субъекту зрения. Определенные рассуждения нейрофизиолога В. С. Рамачандрана о нейроэстетике звучат весьма убедительно¹, однако — построенные из одной перспективы — не учитывают сложности конверсии, существующей между видом как (в той или иной мере) самостоятельным актором, источником активности и действия по отношению к другим таким же, заставляющим субъект зрения предпочесть одно *красивое* другому, и видом как феноменальной перспективой, в которой красиво — *нам* (визуальная экология способна рассмотреть эти отношения с каждой из сторон). Виды и определяют нечто как «эстетическое», и потребляют его как ресурс, но, будучи плавающим понятием, не дают возможности линейного описания структуры трофических цепей между ними, тогда как запасы живыми системами энергии описывается «правилом 10% Линдемана»². Более того, описание подобных преобразований *эстетического* затруднено тем, что обнаружимые на любом уровне детализации (и временном интервале) зрительного опыта виды всегда включены в огромное количество способов регуляции: от, к примеру, самого наличия предметов/цветов, спо-

¹ Рамачандран В. С. Художественный мозг // Рамачандран В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. М.: Олимп-бизнес, 2006.

² Объем энергии, усваиваемый организмом при поглощении организма предыдущего звена уровня трофической цепи и его усвоении. См.: Вронский В. А. Экология: Словарь-справочник (2-е изд.). Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. Это вполне соответствует термодинамическому здоровому смыслу.

собных быть объектами поля зрения¹, до религиозных систем, задающих семантику красоты², и иных социальных норм. Именно здесь (если нить интриги «сопоставления с экологией» продолжает быть натянутой) можно перейти к одной из наиболее проблемных и животрепещущих для визуальной экологии тем.

Человек начала XX века, знакомый с иллюстрациями книг/газет; человек, выросший на черно-белом телевидении и таких же фотографиях; человек, с детства погруженный в интернет-пространство, цифровые изображения и «конвергенцию медиа»³, — оптические революции XX века семиотизировали визуальный опыт повседневности больше, чем когда-либо. Поскольку — в отличие от созерцания лесов/полей/небес/рек (и иных пейзажей, претендующих на интерпретационную девственность) — сегодня наши оптические ландшафты дополнены медиа и обжиты продуктами медиа, практически каждый объект визуальной экологии изначально междисциплинарен. Не в силах избежать мультипликационной судьбы он одновременно — и феноменально дан как вид, и отобразим на сетчатке (*преобразим* когнитивными функциями неокортекса, причем не единственным образом⁴), и семиотически нагружен: что становится особенно явно в случае повреждения «правильного» субъекта зрения⁵.

¹ Ср. рассуждения о том, сколь редки (ограниченно доступны) были яркие цвета в повседневности в прошлом нашей цивилизации — и сколь больше была их способность создать пограничный (экстатический) эстетический опыт: *Хаксли О.* Двери восприятия. Рай и Ад. М.: АСТ, 2009.

² Ср. примеры, с одной стороны, визуальной (предикационной) детализации/перечисления бестиария, а с другой — апологию «пользы для души драгоценных камней»: *Эко У.* Имя розы. М.: Corpus, 2014.

³ Ср. примеры, с одной стороны, визуальной (предикационной) детализации/перечисления бестиария, а с другой — апологию «пользы для души драгоценных камней»: *Эко У.* Имя розы. М.: Corpus, 2014.

⁴ См. подробнее: *Фритт К.* Мозг и душа (Making up the Mind). М.: Corpus, 2010.

⁵ См. подробнее: *Лурия А.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во МГУ, 1962.

Как (было → сделано = стало) известно, одна из серий японского мультсериала «Покемоны» (сезон 1, эпизод № 38)¹ вызвала эпилептические припадки у множества зрителей — из-за того, что частота мерцания вспышек на экране оказалась достаточной для «перегрузки» тех нейронных сетей, которые отвечают на данный тип визуальных стимулов². Вскоре ряд телекомпаний, транслировавших аниме в других странах (в особенности в США), — во избежание возможных повторений инцидента — стали обращать особое внимание на то, с какой интенсивностью мультипликация и этого, и других аниме использует вспышки. Такова ситуация, описанная с точки зрения «порядка очевидности» в распределении приоритетов между различными автономиями (нейронаучной, судебной, телерадиовещательной и др.) — однако в ней мы неизбежно теряем комплексность того объекта, трансформация которого в каждой из сред наиболее интересна. Визуальная экология, напротив, дает возможности избежать этого за счет имплицитной междисциплинарности: оптический ландшафт восприятия поверхностей-экранов, технически позволявших реализовывать *данную* частоту вспышек, позволил развить такой вид (наряду с прочими, составлявшими видеоценоз *особого стиля рисовки*), конфликтовавший с другими видами, — проигрыш же его визуальной стратегии состоял в *перепроизводстве* того эстетического, которым он питал и питался. Как вид, он стал видим вовне сети других видов, а вместе с тем

¹ Особую иронию ситуации придает то, что ставший прецедентным эпизод — эпизод «двойной медиации». Его сюжет выстроен вокруг знакомства главного героя (подростка Эша) с очередным покемоном Поригоном (Porugon), который — в отличие от прочих — даже в сериале является *виртуальным*, т. е. существует в особой компьютерной реальности (представляя собой нечто вроде красно-голубой полигональной утки).

² Takahashi T., Tsukahara Y. Pocket Monster incident and low luminance visual stimuli: Special reference to deep red flicker stimulation // Pediatrics International. 1998. Vol. 40. № 6. P. 631–637.

обособлен и уязвим: распад его связей со средой и изоляция вызваны, в свою очередь, нарушением связей, образовавшихся (осуществлявших) машину перцепции — и тело субъекта зрения (как высшего гаранта интеграции-потребления зрительных опытов). То есть фактически один вид развился таким образом, что расстроил условия и своего существования как вида (и как культурного кода), и прочих видов, а потому стал видим в поле зрения нормативности.

Офтальмологический уровень регуляции, впрочем, — один из тех, где консультации визуально-экологического характера не раскрываются в полную силу: он склонен поглощать семиотическую компоненту регулируемых видов. «Зеленый расслабляет», «не смотрите слишком долго на экран» — функциональность этих рекомендаций в большинстве случаев безотносительна к значениям, которым сопутствует поток зрительного опыта. Проблемы начинаются, как только о себе заявляет целенаправленная позиция той или иной визуально-экологической *политики*, ибо тогда и визуальная экология становится «политической».

Итак, говоря о политике, мы приходим к ситуациям вполне осознанной регуляции «визуальной нормы» — что с точки зрения визуальной экологии (как она и ее дисциплинарная предметность понимаются выше) является истреблением целых видов! Особая пикантность заключается в том, что некоторые политические инстанции время от времени специально запрашивают экспертизу визуально-экологического толка¹ для легитимации собственных действий, — и в перспективе этого сценария сложно избежать по мере приобретения научной респектабельности. Определив, к примеру, в качестве «модель-

¹ Такая экспертиза может проводиться, в частности, на предмет того, является отдельный ряд визуальных продуктов «загрязняющим», «травмирующим», «гнетущим» и т. п. В большинстве случаев речь идет об оценке потенциала вида произвести неприятный опыт.

ных организмов» визуального опыта людей, которым сейчас 40–50 лет (и чьи схемы восприятия медиаконтента сложились в докомпьютерную эпоху), визуальная экология оказывается в праве маркировать как «загрязненные» визуальные среды мельтешащих клиповых нарезок, «насилие на экране» или всплывающую рекламу на интернет-сайтах — в то время как те уже *заселены и обжиты*.

С одной стороны, участие в подобных взаимодействиях можно свести к минимуму, чтобы — с позиции независимого наблюдателя — смотреть извне и изучать, как виды сами угашают друг друга. Таков естественный ход их существования как популяций, обитающих в оптических ландшафтах и друг в друге, — конкурировать за красоту, за возможность быть *предпочтительно* видимыми видами, и политический механизм тогда оказывается естественным расширением их возможностей. С другой стороны (хотя в определенном смысле с той же самой), визуальный эколог волен вмешиваться в протекающие процессы более чем пристрастно, вставая на сторону действующего порядка и способствуя угашению отвергаемых видов по мере возможностей.

Почему же, собственно говоря, обе эти стратегии представляются *проблемными*?

Если мы действительно следуем за экологией в изучении визуального, какие бы формы оно не принимало, описанные варианты неудачны — коль скоро уменьшают многообразие видов. И если изоморфный тезис в случае их биологических аналогов обоснован устойчивостью экосферы (частью которой мы являемся), то множественность оптических ландшафтов открывает нам выбор эстетических горизонтов: возможность перемещаться между ними, проживать их содержания как события. Это — уже много.

Тем самым уникальность позиции, занимаемой визуальной экологией относительно объектов своего исследования, состо-

ит в аккумуляции практик достижения «оптической демократии». В парламенте политическое слово должно быть дано не субъектам зрения, но *видам*, видимым именно этими субъектами! Специфика представительства здесь будет заключаться в правильном выстраивании речи видов через и от имени субъектов, частью чьих зрительных полей они являются и для которых важны. В случаях же если вопрос лежит в плоскости политического решения угашения тех или иных видов, визуальная экология будет одним из немногих дисциплинарных режимов, способных разработать пути *видеотрансформации* — ограничения оптических ландшафтов, на которых обитают данные виды, либо изменения самих видеоценозов, влекущих минимальные преобразования видов (в сравнении с перспективой их истребления в принципе). Сколь бы причудливыми не казались описываемые сценарии, они заслуживают упреждающего осмысления.

Поле зрения визуальной экологии весьма мозаично: от культурологии к биополитике через медиалогию во имя оптической демократии — но «глаз не видит собственного поля зрения»¹. Именно поэтому *мой* глаз, исполненный в словах, — есть протянутая рука посильной помощи тому глазу, которому еще предстоит открыться.

¹Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. [5.633].